

Ирина Костина

ПОЛЬСКИЙ ЭПЮД

Книга вторая

Ирина Костина

Польский этюд. Книга вторая

«Издательские решения»

Костина И.

Польский этюд. Книга вторая / И. Костина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930258-8

1734 год. События перетекают из Петербурга в Польшу под стены Данцига, который взят в кольцо русской армией во главе с фельдмаршалом Минихом. Цель Миниха — взять в плен несостоявшегося короля Польши — Лещинского, что затаился в стенах Данцига, ожидая помощи французского флота. Но Миниху станут мешать не только открытые действия врагов, но и тайные козни соперников из Петербурга. Зато кадеты Иван и Василий не подкачают и наладят шпионскую сеть в осаждённой крепости.

ISBN 978-5-44-930258-8

© Костина И.
© Издательские решения

Содержание

обращение от автора	7
1733 год	8
1734 год	17
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Польский этюд Книга вторая

Ирина Костина

© Ирина Костина, 2019

ISBN 978-5-4493-0258-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

автор Ирина Костина

обращение от автора

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках вторую, по счёту, книгу исторического романа «Нет цветов у папоротника», состоящего всего из семи книг. Надеюсь, что прежде ты уже прочёл первую книгу из этой серии, которая называется «Рыцарская Академия».

Роман охватывает период событий в Российском государстве с 1733 года до середины 1740-ых годов.

Исторические события в нём разворачиваются на фоне житейских историй приятелей кадетов первой в России Рыцарской Академии, что позже будет переименована в Кадетский Сухопутный корпус. Они учатся, озорничают, влюбляются, попадают в переделки и, сами того не ведая, зачастую становятся участниками событий, которые впоследствии потомки впишут в учебники.

Такие известные фигуры, как Анна Иоанновна, её фаворит Бирон, племянница Анна Леопольдовна, канцлер Андрей Остерман, фельдмаршал Миних, царица Елизавета и прочие – тоже предстанут на страницах романа главными героями. Они здесь, как и все обычные люди – радуются и страдают, боятся и рискуют, а бывает, тоже попадают в нелепые ситуации.

Если эта книга тебе понравится, то продолжение ты сможешь найти в следующих:

«Капкан на принцессу» – третья книга.

«Матовая сеть» – четвёртая книга.

«Наследники и самозванцы» – пятая книга.

«Рецепт дворцового переворота» – шестая книга.

«Нет цветов у папоротника» – седьмая книга.

Ирина Костина.

1733 год

дом графа Бурхарда Христофора Миниха

Явившись с очередным пакетом счетов из Академии в дом фельдмаршала, Микуров неожиданно застал хозяина в сборах.

– А, Василий! – обрадовался тот, – Пойди сюда! Помоги мне сложить карты в тубус. Их следует стянуть потуже... Вот так! Отлично. Теперь возьми верёвку, и перевяжи вон ту стопку книг. Справишься?

– Конечно!

– Дерзай!!

– Христофор Антонович, Вы что, уезжаете?

– Да. В Польшу.

– В Польшу?!

– Скажу тебе по секрету, дружище, на Военном Совете было принято решение – штурмовать Данциг! И это ответственное дело государыня поручила лично мне!! – Миних гордо выпятил грудь.

Поручение императрицы возглавить армию с тем, чтобы захватить Лещинского в Данциге – Миних воспринял с привычным для него оптимизмом, не подозревая, что тем самым всецело удовлетворяет хитрому замыслу Остермана с Бюреном выдворить, наконец, соперника из столицы.

Его честолюбивая натура в любом задании видела возможность испытать себя на прочность и отличиться. И чем сложнее было дело, тем азартнее брался за него Миних! Особенно, если это давало ему возможность превзойти чьи-то иные достижения.

В данном случае, это был генерал Ласси, зарекомендовавший себя опытным командиром и тактиком по ведению боя. Намерение обойти его, доказав собственное превосходство, разжигало в Минихе невероятный энтузиазм! Так уж сложилось, что его постоянно бросали на фронт работы, который не был доделан прежним поручителем; так было с Ладожским каналом и с губернаторством оставленного Петербурга, и с перестройкой военных крепостей, и с введением системы кадетского образования и многими другими делами. И во всех Миних геройски отличился. Подумать только, он ещё ни разу не испытал поражения!

И теперь, пакуя вещи, энергично насвистывая, он нисколько не сомневался, что операция по осаде Данцига и захвату Лещинского будет проведена им блестяще, как и всё остальное. Иначе и быть не может!

Глядя на Микурова, ловко вяжущего узлы на собранных к погрузке вещах, Миних вдруг бодро спросил:

– Эй, Василий! А не хочешь, ли поехать со мной?

Тот отвлёкся от перевязывания книг. Опешил, не поверив ушам:

– Я?! – переспросил он.

– Я могу это устроить.

– Штурмовать Данциг?! – у Василия дыхание перехватило, – Ещё спрашиваете?!

Конечно, хочу!!

– Польский язык выучил?

– Так точно! Говорю, правда, ещё не очень хорошо. Зато всё понимаю!!

– Отлично! Французский знаешь совершенно?

– Да, Ваше высокоблагородие.

– Слышал, что приучил себя в темноте видеть. И по губам издали речь распознавать.

– Верно!

- Молодчина! С такими навыками в разведке тебе цены не будет!! Так что? Поедешь?
- Вы не шутите?! – усомнился Василий.

Миних весело хлопнул его по плечу:

– А и в самом деле, чего тебе на учебных плацах, прохлаждаться? Стреляешь метко! В драке тебя сам чёрт не одолеет! Решено!! Будешь числиться сержантом при штабе. А там поглядим, на что ты способен. Проявишь себя – по возвращении офицерским чином награжу!

Василий задохнулся от радости, выпрямил спину, расправил грудь:

– Христофор Антонович! Да я... Я не подведу!! – и добавил, – А можно ещё и Лопухина взять! Мы вместе, знаете, какая сила!!

– Знаю! – с укором подметил Миних, – Помню, что вы устроили на празднике перед государыней!!

Василий досадливо сморщил нос:

– Христофор Антонович, этого больше не повторится. Я за Ивана головой ручаюсь! Он не подведёт!!

– Нет!! Не на прогулку тебя беру. Сюрпризы мне не нужны! – категорично отрезал фельд-маршал.

Микуров помрачнел. Но Миних не обращал внимание на его настроение и быстро отдавал распоряжения:

– Беги в Академию, собери вещи! Денщика возьми! Без прислуги тебе не обойтись!

– Так точно...

– Да! Воспитателю Шашкову скажешь, что я временно определил тебя в артиллерийский полк к полковнику Беренсу для выполнения ответственных поручений! Я в том тебе сейчас письмо составлю.

Фельдмаршал тут же подвинул чернильницу и, обмакнув перо, быстро застрочил послание:

– Да смотри, никому ни слова – ни про меня! Ни про Польшу!!

– Понял, Ваше высокоблагородие.

Миних посыпал песком написанное и протянул бумагу Василию:

– Сразу после ужина поезжай к нарвской заставе. Там предъявишь это письмо караульному офицеру, и тебя отведут к полковнику Беренсу.

– А кто это?

– Это – я!!! – рассмеялся Миних.

– Как так?!

Он заговорщически поманил пальцем Василия:

– Миссия моя секретная! Поэтому двигаться буду инкогнито! По документам я – полковник Беренс, с войсковыми частями движущийся на помощь генералу Ласси.

– А для чего это?

– Военная стратегия! Чем дольше удастся сохранить эту легенду, тем позже Лещинский узнает о наших наступательных действиях. Это нам даст возможность выиграть время у неприятеля!

– Понял! – кивнул Микуров.

Происходящее кружило ему голову. Подумать только! Настоящий военный поход! Секретная миссия! Неприятель! Разведка! Осада! Штурм! И всё не на учебном плацу, а в действительности!!!

Эх, одно жаль – нельзя взять с собой Лопуха... И нельзя даже рассказать обо всём.

Рыцарская Академия

– Вот это да!! Переходишь в артиллерийский полк на практику? – поразились приятели.

- Сам Миних распорядился?
– Вот свезло-то тебе, Микура!
– И надолго это? – Иван с грустью глядел, как друг собирает в дорожный мешок вещи.
– Не знаю. Как получится, – пожал плечами Микуров.
– Конечно, практика в настоящем артиллерийском полку – это здорово! – завистливо вздохнул Голицын, – Это вам не осада фанерной крепости!!
– Да, уж...
– Микура, ты хоть навещай нас, если будут у тебя увольнительные.
– Обязательно!
– Кто же меня теперь драться будет учить? – посетовал Трубецкой.
– Ничего, Труба! – подмигнул ему Василий, – Вернись, и продолжим! А пока вон Лопух тебя поучит. Он не хуже моего рапирой владеет. Верно, Лопух?
– Конечно, помогу.
– Я не запомнил, как зовут полковника, в чьё распоряжение ты поступаешь? – переспросил Бергер.
– Беренс.
– Никогда не слышал!
– И я.
– Я – тоже.
Микуров пожал плечами и затянул шнурок на собранном мешке:
– Ну, что ж. Давайте прощаться. Как говорится, не поминайте лихом! Даст бог, ещё увидимся!
И Василий горячо обнял каждого из приятелей.
– Я провожу, – вызвался Лопухин.
- Расставаясь у ворот, Василий не удержался:
– Слушай, Лопух! Ты мой самый лучший друг! Поэтому тайн между нами быть не может! Ванька насторожился:
– Что за тайны?
Микуров поманил его :
– Понимаешь, всего я тебе сказать не могу, так как поклялся молчать! Но... – он ухватил Ваньку за затылок прижал ближе, и прошептал в лицо, – Одним словом, этот полковник Беренс сегодня уходит с полком в Польшу!!
– В Польшу?!! – Лопухин едва не поперхнулся, – И ты с ним?!
– И я.
– Леший тебя задери! Микура!! Ты идёшь на войну?! Без меня?!!
– Прости, – виновато развёл руками Василий, – Миних приказал мне быть одному.
У Ваньки аж слёзы на глаза навернулись:
– Как же так?! Эх, а ведь мы с тобой мечтали, что будем служить в одном полку! И вместе вступим в свой первый бой!! – выпалил он.
– Обязательно послужим! – ободрительно заверил его Микуров, – И повоюем! На наш с тобой век войн ещё хватит!!
Но Ванька молчал и дулся. Василий обнял его обеими руками и крепко прижал к себе:
– Лопух! Дружище!! Не сердись. Мне и самому скверно...
– А ведь мы бы с тобой вдвоём там в Польше могли таких дел наворотить! – пробурчал Иван ему в плечо.
– Ещё бы!!
Лопухин тяжело вздохнул, отпрянул. И примирительно стукнул друга кулаком в грудь:
– Ладно. Чего там! Ступай!

– Ну, прощай... Не держи на меня зла.
– Не буду. А ты не вздумай там под пулю угодить! – пригрозил ему Ванька, – Погибнешь – я тебе этого не прощу!!

дом канцлера А. И. Остермана

– Австрийский посланник маркиз Антонио Ботта д'Адарно, – доложил слуга.
– Проси, – поморщился Остерман, укутывая плотнее ноги шерстяным пледом, маскируя под ним таз с горячей водой и горчичным порошком.

Гость, бросив дворецкому шубу, долго поправлял перед зеркалом примятые кружева и намокшие от снега кудри парика, прежде, чем подняться в кабинет. Имея пристрастие к красивой одежде, Ботта в Петербурге снискал славу модника, был вхож в аристократические дома и модные салоны, любим женским обществом, и дружен с Натальей Лопухиной.

Он, в чьих жилах текла кровь итальянская, французская и немецкая, в равной степени сочетал в себе особенности характера всех своих предков: итальянская импульсивность в нём перемежалась с немецким упрямством и манерностью француза. Все движения его и мимика были полны экспрессии, а речь похожа на непрерывное чтение высокопарной оды. Выдержать час общения с таким человеком Остерман приравнивал к пытке.

– Андрей Иванович! Простите за этот, возможно, несвоевременный визит. Но Вас совершенно невозможно застать во дворце!! – воскликнул он прямо с порога, – Я уже предпринял массу неудавшихся попыток, прежде чем мне сказали, что Вам нездоровится. Как это скверно. Примите мои сочувствия и пожелания в скорейшем выздоровлении! Я обещаю не злоупотреблять Вашим вниманием, дабы не мешать благополучному процессу исцеления, и буду весьма сдержан! Постараюсь изложить суть моего дела наикратчайшим образом, чтоб не утомлять Ваш дипломатический ум долгой и содержательной беседой!

– Буду очень признателен, – отозвался Остерман, скрывая за любезной улыбкой жгучее желание, заткнуть кляпом неугомимого болтуна.

– Вам, конечно известно, что в нынешней ситуации по разделу польского наследства, прусский кайзер Фридрих-Вильгельм уже неоднократно своими действиями или же бездействием выказывал пренебрежение выгодам союза «трёх чёрных орлов» в угоду собственным!

– Разумеется...

– В чём нельзя упрекнуть моего австрийского цесаря Карла! – Ботта сделал славящий жест рукой, будто австрийский цесарь был здесь, – Таким образом, Вы можете делать заключения, Андрей Иванович, что цесарь Карл австрийский верен своим обещаниям!

Канцлер сдержанно кивнул, соглашаясь. Ботта продолжал:

– Из чего я позволю себе сказать, что, в свою очередь, цесарь вправе полагать, что и Вы будете верны своим обещаниям!

– О каких обещаниях идёт речь?

– О принце Антоне-Ульрихе и принцессе Анне Леопольдовне! Мой цесарь считает себя обманутым!!

– Что Вы имеете в виду? – нахмурился Остерман.

– Вы обещали, что своим влиянием склоните государыню предпочесть Брауншвейгского принца в женихи её племяннице и будущей матери будущего наследника!

– Разве это не так?

– Именно! Не так! Принц Антон-Ульрих уже год, как живёт в Петербурге. Но принцесса откровенно избегает его!! А государыня, всякий раз, как я заговариваю о помолвке, замалчивает и уклоняется от ответа!

Остерман поелозил ногами в тазу и вяло пробурчал:

– Но тут Вы сами виноваты.

– Я?! – вскочил Ботта.

– Кто просил Вас дарить принцессе портрет, который не соответствует настоящему облику принца? – парировал канцлер, – Так что Анна Леопольдовна тоже вправе считать себя обманутой вашим цесарем!!

– Что?... – задохнулся он.

– Я обещал, что императрица из всех кандидатов остановит свой выбор на Антоне-Ульрихе, – строго напомнил ему Остерман, – И я сдержал обещание! Но я не обещал, что принцесса *полюбит* его!!

Ботта засуетился:

– Андрей Иванович! Позвольте!! Разве цена, которую австрийский двор заплатил русскому посланнику Карлу Левенвольду и лично Вашему сиятельству, не была достаточно велика?! – он оббежал стол канцлера с другой стороны, – А нынешние действия цесаря в угоду интересам России в поддержку саксонского кандидата на польский престол – разве не достойный вклад в продолжение данного предприятия?!

Но Остерман в ответ на это демонстративно промолчал и плотнее закутался в шерстяной плед.

– Может быть, смирение принцессы и назначение дня помолвки требуют дополнительных вложений? – произнёс Ботта, пристально вглядываясь в непроницаемое лицо русского канцлера, – В таком случае, я готов рассмотреть Ваше предложение. Давайте вести разговор, как деловые люди! Назовите сумму!!

– Помилуйте, Антонио, – развёл руками канцлер, снисходительно усмехаясь, – Не думаете же Вы, что любовь можно купить?!

Но тот триумфально вскинул указательный перст в небо:

– Купить можно всё!!!

И в подтверждение слов он взял со стола небольшой лист бумаги и, обмакнув в чернильницу перо, вывел на нём двузначное число. Однако Остерман даже не потрудился взглянуть на запись, продолжая кутаться в плед и ерзать ногами в тазу.

Подумав, Ботта скрипнул пером, и к записи уверенно добавил ещё один ноль. Канцлер мельком бросил взгляд на запись и безучастно уставился в окно. Антонио посопел и, преодолевая внутреннее сопротивление, приписал ещё один ноль.

– Что Вы от меня хотите? – наконец, осведомился Остерман, лениво подпирая ладонью щёку.

– Повлияйте на Анну Леопольдовну!!!

Канцлер выдержал длинную паузу, демонстрируя собеседнику тягостные размышления и, наконец, сложив пальцы пирамидкой, произнёс:

– Я, безусловно, постараюсь довести до сознания принцессы все достоинства Антона-Ульриха. Но мои старания будут впустую, если сам жених намерен при этом бездействовать!

– Что от него требуется?! – с готовностью откликнулся Ботта, – Говорите!!

Остерман изобразил усталую улыбку:

– Дорогой мой Антонио, мне сорок восемь лет. Я, разумеется, уже забыл, как ухаживал за моей женой. Но, по моему разумению, способы во все времена одни: внимание, комплименты, подарки!

– Да ведь я Вам о том и толкую!! Что Анна Леопольдовна не желает ничего слушать! Не подпускает к себе и не принимает подарки!!! – воскликнул Ботта, отчаянно жестикулируя.

– Значит, подарки были не те! – нравоучительно осадил его Остерман, – Обратите внимание принца на то, что Анну Леопольдовну не соблазнишь цветами и бриллиантами. Этого добра у неё самой полным-полно!

– А чем же?!

– Она – натура романтическая! Самая дорогая ценность для неё – это книги.

– Книги?! – изумился Антонио.

– Да, мой дорогой настойчивый друг! И не просто книги! А книги о любовных приключениях. Мой вам совет: пусть Антон-Ульрих ознакомится, как ведут себя герои этих самых книг. И поступает соответствующим образом!

Ботта досадливо покусал губы:

– Всё это звучит весьма сомнительно! И, я уверен, займёт слишком много времени!!

– А куда вы торопитесь?! – удивился канцлер, – Принцессе едва исполнилось пятнадцать!

– И что?

– Принца вашего из Петербурга никто не гонит. Времени у них предостаточно. Так что, рано или поздно, дело неминуемо приведёт к свадьбе!

– Полагаете?! – усомнился Ботта.

– К тому же с такими заботливыми и разумными наставниками, как мы с вами! – убедительно добавил Остерман.

И сам, взяв перо, переправил на листке первую цифру, удвоив тем самым обозначенную сумму, и решительно подвинул листок собеседнику:

– Вот так! – давая понять, что сделка окончена.

Летний сад

Прогуливаясь после обеда по расчищенным дорожкам заснеженного Летнего сада, Аня неожиданно вцепилась в руку подруги:

– Юлия!! Он идёт нам навстречу!!!

– Кто?

– Мориц Карл Линар!!

– М-м. Сколько же прошло времени? Ровно три дня? Да он просто душка! Какое неукоснительное следование французскому этикету!

– Тише! Он уже близко!!

Они остановились, чтоб раскланяться.

– Здравствуйте, Ваше высочество, – приветствовал её саксонский посланник.

– Здравствуйте. Вижу Вы, граф, сегодня тоже решили прогуляться? – лучезарно улыбнулась ему Анна.

– Да. Я уже понял, что солнечные дни в Петербурге так редки, что упускать их – значит совершать большую оплошность.

– Это верное замечание, – Аня сделала вежливый выпад в сторону подруги, – Позвольте представить Вам мою фрейлину Юлианну фон Менгден.

– Очень рад знакомству!

– Знаешь, Юлия, граф Линар долгое время жил в Париже.

– Это так, – подтвердил он.

– И обещал мне рассказать о развлечениях французского двора, – продолжала принцесса, – Ты ведь, наверное, тоже хочешь послушать?

– Несомненно! – искусно подыграла та.

Анна не сводила с Линара влюблённого взгляда:

– Надеюсь, граф, сейчас Вы располагаете достаточным временем?

– Если только Ваше высочество того пожелает.

– Я желаю, – убедительно заверила она его, – И разрешаю Вам присоединиться к нам, чтоб продолжить прогулку.

– Благодарю! – Линар встал между принцессой и фрейлиной, – Дорожки скользкие. Могу я предложить вам руку?

Девушки переглянулись и радостно подхватили кавалера под руки с обеих сторон.

Мадам Адеракс, шествующая позади с другими фрейлинами, предосудительно нахмурила лоб, намереваясь вмешаться. Но немного поразмыслив, ничего неприличного в том, что мужчина предложил девушкам опереться на руку, в итоге, не нашла. И вынуждена была смириться.

императорский дворец, апартаменты Анны Леопольдовны

Вернувшись с прогулки, Анна закружилась по комнате и, как была, в меховой накидке и в валенках упала на спину, утопая в мягкой перине и подушках:

– Ах, Юля! Юлечка!! Правда, он великолепен!! Он просто чудо!!! Скажи?

– Да, он интересный собеседник. Ему не откажешь в хороших манерах, – сухо подтвердила Юлия, скидывая шубку и муфту на кушетку, – На то он и дипломат! Иначе грош бы ему была цена.

– Юлия! Да ты злая девчонка!! – пожурила её принцесса, – Ты нарочно дразнишь меня, признайся!! Отчего ты злишься?

Она посмотрела на неё с укором:

– Всю прогулку я пыталась тебя предупредить! Подавала знаки, но ты меня будто не видела!

Анна в ответ душевно обняла подругу:

– Не сердись! Я, и вправду, не видела никого, кроме моего Морица Карла Линара!! А о чём ты хотела меня предупредить?

– Именно об этом! – воскликнула Юлия, всплеснув руками, – Анна, ты смотрела на него, не отрываясь! Поддакивала всему, что он скажет! Это было не подобающе! Это моветон!

– Господи! Неужели я так глупо себя вела?! – она спрятала под ладошками пылающие щёки, – Но я была так счастлива, что не владела собой!! Я смотрела ему в глаза, слушала его голос и немножко сошла с ума.... Но ты права! Впредь я постараюсь этого не допускать.

– Очень на это надеюсь.

– Как думаешь, завтра он придёт в Летний сад? – она обняла себя обеими руками, – Ах! Мне уже снова хочется его увидеть!!!

– Но, Анна, дорогая! Так нельзя! – испуганно воскликнула Юлия.

– Почему?

– Ты ведь не хочешь, чтоб он быстро потерял к тебе интерес?

– Конечно, нет!!!

– Поэтому прогулки после обеда надо прекратить.

Она расстроилась:

– Как?! Почему?!

– Нельзя позволить ему думать, будто покорил тебя с первого взгляда! Пусть он несколько раз придёт в сад и не встретит тебя.

– А-а-а... Не поняла.

– Тебе следует его помучить, – пояснила Юлия, – Заставить беспокоиться, недоумевать: что с тобой? Почему ты не пришла?

– Зачем?

– Как, зачем?! Пусть терзается догадками! Что случилось? Может, он сказал тебе что-то не то? Или сделал что-то не так? Пусть почувствует себя виноватым! Пусть сам ищет встречи с тобой!!

– ...Понимаю, – натянуто согласилась Аня, и жалостливо оттопырила губу, – Но мне будет так сложно сидеть дома, думая, что он там, в саду, ждёт меня!!

– Тебе придётся потерпеть.

Она сморщила нос:

- А тебе придётся привязать меня к кровати!
- Не волнуйся! Я справлюсь! – весело пообещала Юлия, накрывая её одеялом.
- Аня дурашливо забарахталась, выбралась наружу и запустила в подругу подушкой. Громко хохоча, они тут же ввязались в подушечный бой.
- В апартаменты деловито вошла мадам Адеракс и в ужасе всплеснула руками:
- Что за бардак вы устроили?! Живо приведите себя в порядок!! Ваше высочество! К Вам принц Антон-Ульрих.
- О! Не-е-е-ет!!! – взвыла Анна, зарываясь в подушки, – Скажи ему, что меня нет!
- Очень смешно, – скривилась воспитательница, – Он видел, как Вы вернулись с прогулки.
- Скажи, что я больна!
- Мадам Адеракс покачала головой:
- Вы так громко смеялись, что сказать больно было бы сейчас верхом неприличия!
- А что, разве нет никакой болезни, от которой хохочут? – поинтересовалась Аня, делая наивное выражение лица.
- Я знаю! – подскочила к ней Юлия, – Называется щекотка!!
- И девчонки покатались по кровати, хихикая и щекоча друг друга.
- Мадам Адеракс закатила глаза:
- О, mein Gott! ... Что за дурачество?! Принц ожидает за дверью! Он всё слышит!!
- Ну, и пусть! Он всё равно, не понимает по-русски!
- Мадам Адеракс сурово поджала губы, призывая развеселившихся девиц к порядку:
- Между прочим, он пришёл к Вам не с пустыми руками.
- С полными?! – загибалась от смеха Аня, – Во-о-от с такими ручищами!! Да?!
- Его слуги принесли сундук, – строго уточнила воспитательница.
- Ого!!
- Может, он собрал вещи, чтоб, наконец, уехать в свой Беверн?! – веселилась принцесса, – И зашёл проститься?!
- И девчонки снова прыснули, заходясь от хохота.
- Прекратите!!! – рявкнула мадам Адеракс, теряя терпение, – Хватит! Я приглашаю Антона-Ульриха войти. Так что, не успеете принять достойные позы – вам же будет стыдно!
- Ваше высочество, госпожа Анна, разрешите мне, выражая Вам почтение, преподнести этот подарок, – старательно выговорил Антон-Ульрих, указывая на внесённый слугами сундук.
- Что это? – спросила она.
- Извольте взглянуть.
- Хм! – Анна нехотя, подошла к сундуку и небрежно заглянула в него.
- Надменная маска мгновенно слетела с её лица:
- Боже мой..., – принцесса опустилась на колени перед сундуком и с благоговением погладила переплёты сложенных в стопки книг. Взяла одну, другую, третью. Голос её дрогнул:
- Расин... Корнель... Скудери... Что это? Его новый роман? А это? «Карта страны нежности» в форме цветного альбома?! Господи!! Я не верю своим глазам!!
- Она прижала к груди книги:
- Никогда не думала, что скажу это, – и обернулась к принцу, – Спасибо! Спасибо большое, Антон-Ульрих!!
- Принц, впервые услышав от неё добрые слова, разволновался. Он несколько раз поклонился. И, тиская шляпу, заикаясь, пробормотал:
- Я очень счастлив, Анна, ... в-в-видеть, как Вы улыбаетесь.
- Это бесподобный подарок!!
- Благодарю!

Они умолкли. Продолжали смотреть друг на друга и улыбаться.

– Может быть, я как-нибудь, п-п-приглашу Вас прогуляться в саду? – наконец, робко поинтересовался он, – Вы п-позволите?

Аня поняла, что обмен любезностями затянулся, и небрежно дёрнула плечами:

– Возможно. Как-нибудь. Но это случится не скоро.

– Почему? – лицо принца омрачилось.

– Но теперь у меня совсем не будет времени на прогулки! – ответила она, пряча язвительную насмешку, – Ведь я должна буду всё это перечитать!

1734 год

Граница России с Пруссией

Скрыть инкогнито продвижения фельдмаршала Миниха к польскому городу Данцигу удалось лишь до Мемеля, так как на прусской границе возникли непредвиденные осложнения. Выяснилось, что король Фридрих-Вильгельм строго-настрога запретил прохождение чьих-либо войск через прусские владения. Двигаться же с артиллерийскими орудиями в обход через Вильно – означало потерять не менее трёх месяцев.

Миних, в силу горячего нрава, не мог стерпеть такого вредительского отношения со стороны союзника, и принялся скандалить! Он затребовал к себе прусского коменданта пограничной заставы, отчитал его, как мальчишку. В гневе требовал встречи с главнокомандующим и грозился от имени императрицы Анны Иоанновны строго взыскать с него все издержки, что потерпит русская армия, от продвижения в обход! И в запале даже составил собственноручно письмо королю Фридриху-Вильгельму с требованием пропустить русскую артиллерию через прусскую территорию!

Разумеется, уже спустя пару часов весь Мемель знал, что у погранзаставы стоит русское войско под командованием никого иного, как самого генерала-фельдмаршала Миниха.

Пока командующие обеих сторон выясняли отношения в горячем споре, который никак не мог разрешиться в скором порядке, Миних отдал приказ своему тринадцатитысячному войску – разбить лагерь и расположиться на постой, прямо вдоль границы.

Учитывая, что стоял январь, и людям требовались тепло и провиант, солдаты всюду запалили костры, нещадно вырубая деревья в округе, и занялись охотой, проникая в немецкие владения.

Микуров, наравне с солдатами, трудился в обеспечении провианта. Вызвавшись с отрядом стрелков на охоту за дичью, он проявил себя метким стрелком, убив четырёх куропаток. И, распознав по следам дикого кабана, увлёк отчаянных охотников попытать удачу в поимке крупного зверя. В итоге кабан был успешно затравлен и триумфально зажарен на вертеле. По наспех сооружённому лагерю потянулись соблазнительные ароматы жареного мяса.

Стемнело. Собравшись у большого костра за ужином, офицеры-охотники, чувствовавшие себя героями, весело пересказывали приятелям о том, как выслеживали дикого зверя и, как тот чуть было не заporол их огромными клыками.

Солдаты смеялись, уплетали горячие мясные куски и приплясывали от холода. Некоторые подходили к Василию, дружески хлопали по плечу, хвалили за проявленную на охоте смекалку. Кто-то сзади ткнул его в спину:

– Эй, приятель!! Достань и мне кусочек!

Василий обернулся, радушно протягивая кусок мясных кабаньих рёбер, истекающих ароматным жиром. И вдруг вытаращил глаза:

– Лопух?! ...Чёрт! Ты... Как здесь?!!

– Тихо ты!! Не ори! – шикнул на него Ванька, вонзая зубы в горячее мясо, – Дай поесть.

М-м-м... Неделю ничего не ел горячего!

Василий, заслоня друга от любопытных глаз, тихонько отвёл его в сторону:

– Вот здорово!! Так значит, Миних всё-таки, взял тебя?!

– Ага, держи карман шире.

– Как?! – ужаснулся Микуров, – Так ты, что? Сбежал из Академии?!!

– Угу, – буркнул он, с аппетитом обсасывая кость.

– Вот ты смелый тетерев!!!

– А ты думал, я отпущу тебя одного на войну? – парировал он, – Нарушить дружескую клятву? Ни за что!! Решено вместе, так вместе!!

Микуров обнял его, крепко хлопнув по спине:

– Хоть ты и болван, Лопух, но я чертовски рад тебе, дружище!!

– Чего это я болван?

– Да ты представляешь, что тебе будет за побег?!

– Отчислят, – уверенно ответил Ванька, – Ну, и пусть! А вдруг я лично Лещинского в плен возьму?! Ведь тогда не посмеют отчислить, верно? Победителей же не судят!!

– Дурында ты! – Василий стиснул приятеля обеими руками, – Слушай! Ты же, наверное, замёрз?

– Не то слово! Окоченел!!! – признался Иван, – Шутка ли? Вторую неделю за вами бегу!

– Где же ты спал?

– Мир не без добрых людей, – сообщил он, – Пока на пути города да деревушки были, я не пропадал. Постучу вечером в какую-нибудь избу – меня переночевать пустят и покормят.

– Молодец!

– А вот последнюю пару дней, когда по лесу шли, туго пришлось. Думал – замёрзну! – посетовал Ванька.

– Чудак ты! Чего раньше-то не объявился?

– Ага! Если б меня Миних раньше прусской границы обнаружил, то непременно бы домой отослал!! А так – что с меня взять? Уже чужая территория! Не прогонишь!!

Микуров расхохотался и сбил ему шапку на нос:

– Ну, ты и рассудил! Мудрый удот! В точности, как сеструха твоя, Настасья! Помнишь, когда цветок папоротника искали?

Лопухин не обиделся:

– А то! Сообразительность – это у нас семейное!!

Василий накрыл его полый своего овчинного тулупа:

– Ладно. Идём к костру. Надо подумать, как сказать про тебя Миниху. Я пока ума не приложу!

– На досуге вместе покумекаем.

– Слушай! В Академии-то, небось, тебя хватились! В розыск объявили! – всполошился Василий, – Воображаю, какая там шумиха!!

– Не бойся. Всё ладом, – отмахнулся Лопухин, – Я им записку оставил.

Рыцарская Академия

В день отъезда Микурова кадеты после отбоя обнаружили на кровати Лопухина записку.

– *«Друзья, сообщите Шашкову, что меня, вместе с Микуровым, фельдмаршал зачислил волонтером в полк к Беренсу. Отбываю незамедлительно. Увидимся. Лопух»*, – прочёл вслух Голицын и присвистнул, – Ну, дела!! И Лопуха в полк определили!

– И тоже к Беренсу?

– Ага!

– Да кто такой, этот Беренс?! – повторил Бергер, хмуря лоб.

Граница России с Пруссией

В ответ на требование Миниха пропустить русскую артиллерию к Данцигу через прусские земли король Фридрих-Вильгельм прислал весьма уклончивый ответ, что в дележе польской короны между саксонским курфюрстом и французским ставленником он склонен соблюдать нейтралитет. Так как ни один из кандидатов не счёл сделать ему, прусскому королю,

никаких выгодных предложений, то и он, в свою очередь, не видит причин ни помогать Августу, ни препятствовать Лещинскому.

Русский посланник в Берлине Ягужинский активно отстаивал интересы Миниха. И, в желании склонить Фридриха-Вильгельма к содействию саксонскому курфюрсту, дипломатично просил короля задаться вопросом: не навредит ли этот отказ его убеждению – оставаться в дружбе с Россией? Тот не отказывался от дружеских отношений с Россией, но оказывать помощь саксонцу не желал.

Попытки Ягужинского с Минихом намекнуть кайзеру о том, что, противясь пропустить русские войска к Польше через Пруссию, король, таким образом, нарушает обещания, скреплённые союзом «трёх чёрных орлов», тоже не принесли успеха. На их уверения в том, что императрица Анна Иоанновна может посчитать себя обманутой королём, Фридрих-Вильгельм ответил, что он тоже считает себя обманутым русской царицей в невыполнении некоторых пунктов договора. И посему они могут быть квиты.

Кроме того, примкнув к интересам Саксонии, король опасался вовлечь себя в открытую войну с Францией, чего он, уж конечно, не хотел! Ягужинский выбился из сил, уговаривая упряма пойти на уступки, пуская в ход различные дипломатические уловки. Всё без толку! Кайзер упрямо предпочитал ничего не делать.

Миних тем временем, с не меньшим упрямством, дымил кострами под Мемелем, рубил леса и истреблял дичь. Он сам ежедневно в сопровождении офицеров выезжал поохотиться в немецкие угодья. Входя в азарт, порой превращал охоту в турнир по стрельбе, и всегда возвращался с полными санями добычи.

Чтоб не тратить понапрасну боевых запасов, Миних велел офицерам для охоты вооружиться арбалетами и луками.

Сегодня, гуляя по снежным лесным пригоркам, он заметил взмывшего вверх беркута и взял его на прицел. Выстрелил несколько раз, но тщетно – высота полёта птицы значительно превосходила пусковые возможности стрелы.

После выстрелов фельдмаршала было позволено стрелять офицерам. Сотни стрел со свистом вырвались ввысь, но также напрасно. Миних махнул рукой:

– Поздно! Слишком высоко! – и осадил всех, – Отставить!! Не переводить стрелы!!!

Все послушно опустили арбалеты. И вдруг в создавшейся тишине, послушавшись приказа, просвистел чей-то выстрел. Миних, возмущённый такой наглостью, грозно ткнул пальцем в строй:

– Кто осмелился?! Я же сказал, не стрелять!!!

Офицеры притихли, в недоумении переглядываясь. И тут с высоты в снег бухнулся беркут с торчащей в боку стрелой. Прямо под ноги фельдмаршалу.

Миних опешил. Полковник Олонецкий поднял тушку:

– Отличный выстрел, Ваше высокоблагородие.

– Кто стрелял?! – повторил фельдмаршал, но в голосе его уже не чувствовалась угроза, – Ну, признавайтесь, черти полосатые! За такой выстрел обещаю помиловать!!

Из-за спин офицеров протиснулся вперёд молодой парнишка, в овечьем полушубке. Офицеры загудели, не понимая, как он оказался среди них.

– Кто таков? – спросил Миних, удивлённо приглядываясь, и вдруг лицо его вытянулось, – Кадет Лопухин???

– Так точно, Ваше высокоблагородие.

– Вот так новость! Это что такое?? Какого чёрта ты здесь делаешь?!!

Ванька понуро опустил голову. У фельдмаршала начали раздуваться щёки от гнева. И он обратился к офицерам:

– Господа!! Это возмутительно!! Вы только посмотрите, какова дисциплина у наших будущих офицеров! – и ткнул пальцем в Ивана, – Я запретил этому кадету участвовать в походе, а он тут как тут! Пожалуйста!! Сбежал из Академии!!

– Во даёт! – присвистнул кто-то из толпы.

– Отчаянный парень.

Но фельдмаршал не разделил их восторга:

– А что полагается за бегство? А, Лопухин?! Отвечай!!

– Отчисление, – тихо пробормотал Ванька, пряча глаза.

– Ну, так вот – ты отчислен!! – беспощадно констатировал Миних, – Сегодня же! Сию минуту! Вон!! Чтоб духу твоего не было! Ни здесь, ни в Академии!! Позор!!!

Полковник Олонецкий неожиданно вступился за мальчишку:

– Ваше высокоблагородие, осмелюсь заметить, что позором для бойца считается бегство с поля битвы, а не наоборот.

– Вы что же, намерены его защищать?! – побагровел тот.

Олонецкий пожал плечами:

– Но... каков выстрел! А?! Таким учеником Вы, Христофор Антонович, можете только гордиться! Ведь превзошёл самого учителя.

Миних бросил взгляд на подстреленного беркута:

– Это да..., – нехотя согласился он, – Стреляет он отменно.

– Ваше высокоблагородие, – подал голос Ванька, – Вы же при всех обещали признавшегося в выстреле помиловать. А слово командира нерушимо!

В строю офицеров пронёсся весёлый гомон. Олонецкий не сдержался и рассмеялся басом:

– А он и соображает неплохо!!

Следом рассмеялся и сам Миних:

– Ну, стервец!! А? Гляди-ка, подловил меня на слове!

– Оставьте его, Ваше высокоблагородие, – подсказал Олонецкий.

Остальные офицеры поддержали:

– Оставьте! Христофор Антонович!

– Бедовый парнишка!

Миних погрозил Лопухину пальцем:

– Так и быть, остаёшься. Но до первого предупреждения!!

– Ура-а-а!!! – возликовал Ванька, – Христофор Антонович, я не подведу!!

И помчался со всех ног к лагерю сообщить радостную новость Василию.

Очень скоро прусские вельможи Мемеля и близлежащих угодий, терпя невероятные убытки от истребления дичи в их лесах и уничтожения деревьев, пошли к Миниху на поклон, упрашивая встать лагерем подальше от прусской границы, но он остался глух к их стенаниям.

Тогда ущемлённая аристократия обратилась с письмом к Фридриху-Вильгельму, умоляя короля защитить их от «неприятного соседства» с русским войском. И под давлением собственных подданных, кайзеру пришлось пойти на уступки: он дал добро на проход людям и повозкам с поклажей, но оставил запрет на провоз пушек.

Миних, прочтя это уведомление, в гневе выругался крепким словом. Но делать нечего. Пришлось отправлять артиллерию в обход, а самому двигаться к Данцигу налегке.

императорский дворец

Бюрен сидел в кабинете, задумчиво уставившись в одну точку. Ноги его были вытянуты, руки безвольно свисали с подлокотников кресла. Во всём его облике читалась чудовищная усталость.

День за днём, год за годом неотлучно находиться «при особе её императорского величества» и при этом не надоесть, не вызвать раздражения – работа нелегкая; рутинные будничные проблемы и бесконечные церемонии. Переезды, прислуживание за столом, надзор за подчиненными и слугами. Не холодно ли в спальне; не заменить ли лакея, чья неловкость была замечена во время обеда; каких лошадей и карету подать завтра на выезд; кого из придворных взять с собой на лето в Петергоф; каковы причины отсутствия одной из фрейлин; кого из желающих сегодня стоит допустить к государыне, а кого придержать под благовидным предлогом.

И за этими повседневными хлопотами нужно всегда выглядеть свежим и быть одетым к месту, вовремя замечать перемены настроения государыни, развлекать её приятными сюрпризами. И, несмотря на эти успехи, всё время ощущать себя под прицелом придворного общества, постоянно чувствовать дыхание в затылок соперников. И конкурентов нужно вовремя выявлять и устранять, но отправлять их не на плаху, а на почетные посты вдали от двора. И делать это столь изящно, чтоб не навлечь гнева государыни.

Когда-то в Митаве он блестяще устранил со своего пути старика Бестужева и на какое-то время стал единственным повелителем сердца будущей императрицы.

Впрочем, в первый же год царствования Анны, его напористо стал теснить Ягужинский. Этот человек обладал невероятной мощью! И как тонко Бюрен смог от него избавиться. Потребовалось всего-то напоить новоявленного графа и подзадорить слегка, чтоб тот обругал прилюдно Остермана. Канцлер не стерпел обиды и уговорил Анну выслать сквернословия в Берлин.

Казалось бы, путь расчищен! Но, тут нарисовалась фигура нового соперника – Миниха, который так преуспел, что чуть не вытеснил фаворита из спальных покоев государыни. Забрал Анну дорогими подарками, вскружил голову всевозможными талантами. И вновь он, Бюрен, хитро избавился от конкурента, спровадив за орденами на войну.

Свобода?! Не тут-то было! Воюя с авангардом; ярким, смелым, рвущимся в бой, он проглядел того, кто всё это время оставался в тени и даже не раз выступал союзником в борьбе с соперниками. Он был незаметен в их блеске, не виден за их широкими спинами, не слышим в их шумном гомоне. А теперь, на расчищенном поле, вдруг обозначился во всей красе.

Остерман!!

Об эту фигуру можно сломать хребет. Его не выпроводишь за границу; он надёжно прикрыт болезнью, имеющей привычку к обострению в ответственный момент. Его не отправишь на повышение; он и так негласно правит всем! Его не подведёшь под ссылку; он слишком хитёр. Не вынудишь к скандалу; он безупречно владеет собой. Он просто монстр!!

С ним лучше дружить. Но о какой дружбе может идти речь, если у обоих на кону одна и та же ставка – безграничная власть.

Два года назад, в преддверии дележа польского наследства, Левенвольд-старший, по указке Остермана, привлекая Пруссию и Австрию в союзники, раздавал авансы от русской императрицы; цезарю Карлу была обещана в снохи племянница государыни Анна Леопольдовна. А кайзеру Фридриху-Вильгельму в случае успешного исхода дела позволялось выдвинуть младшего сына на вакантный пост герцога Курляндского.

Но по ходу дел положение переменилось. России не хотелось терять влияние в Курляндии. И когда прусский король выразил недовольство кандидатурой саксонского курфюрста на польскую корону, Бюрен уговорил Анну отказаться от обещаний, данных кайзеру.

Он лично поехал в Дрезден и от лица императрицы провёл переговоры с курфюрстом. Результатом стала договорённость, что Россия военной мощью помогает курфюрсту получить польскую корону, а тот, став королём Польши, обещает сохранить автономию Курляндии под

контролем России. И, кроме того, выхлопотал у курфюрста (небывалым красноречием и большими деньгами), чтоб именно его, Бюрена, в дальнейшем бы выбрали герцогом Курляндским.

Но, как известно, шила в мешке не утаишь! Новость просочилась за пределы границ и достигла ушей прусского короля. Тот посчитал себя оскорблённым, и заявил, раз союзники нарушают условия прежнего договора, то и он вправе менять свои решения. И, коли он не поддерживает саксонского курфюрста, то и содействовать армии, стремящейся возвести его на польский престол, не обязан. А посему объявил нейтралитет и запрет на прохождение войск через прусские владения.

Миниху в ходе переговоров у стен Мемеля удалось, с помощью Ягужинского, прояснить истинные причины уклонения Фридриха-Вильгельма от «союза чёрных орлов», и он не замедлил сообщить государыне Анне Иоанновне о том, что кайзер обижен, и ЧТО именно является поводом для этой обиды.

Разумеется, письмо, прежде всего, попало к Остерману. И тот, понимая, что лишённые поддержки Пруссии, русские войска могут затянуть осаду Данцига и, таким образом, дадут возможность Лещинскому подтянуть французский флот, а так же привлечь на свою сторону Швецию, Англию и даже Турцию. И тогда провал будет неминуем.

А, кроме того, канцлер уловил в сложившейся ситуации возможность пощекотать нервы Бюрену, который, наверняка, уже мысленно примерял на себя титул герцога Курляндского.

Остерман, поразмыслив, стал склонять императрицу к тому, чтоб уговорить саксонского курфюрста пойти на некоторые уступки, в том числе пообещать кайзеру титул герцога Курляндского, дабы вернуть Пруссию в союзники.

Остерман был, как всегда, красноречив и убедителен. И Анна Иоанновна, слушая его доводы, не могла не согласиться. Не откладывая дела в долгий ящик, она велела Левенвольду-старшему отправляться в Берлин и уладить с королём это недоразумение.

Бюрен переполошился. Он решительно не желал терять обещанный ему титул герцога и потраченные на это деньги! Одним словом, интересы фаворита и канцлера столкнулись, что называется, лоб в лоб.

Бюрен искушал все ногти, размышляя, как ему обойти Остермана и сохранить за собой обещанную Курляндию? Подкупить Левенвольда? Но известно, что Левенвольд – человек Остермана. На кого же ему опереться?!

В Берлине сейчас находится Ягужинский. А что, если он? Это идея. Предложить Ягужинскому денег, чтоб тот помешал действиям Левенвольда-старшего в переговорах с кайзером. А взамен пообещать ему возвращение в Петербург. Верно! Ягужинский – единственный человек, кого боится Остерман. И только его присутствие при дворе сможет приструнить канцлера. И, хотя пару лет назад Бюрен сам способствовал удалению Ягужинского из столицы, но сам-то Ягужинский думает, что виновник его опалы – Остерман. И это вдвойне хорошо!

Поспособствовав возвращению Ягужинского к русскому двору, Бюрен найдёт в графе доброго друга и соратника. И вдвоём они составят достойный противовес обнаглевшему Остерману.

Бюрен удовлетворённо потёр ладони и взялся за письмо Ягужинскому. Главное, склонить его на свою сторону. А уговорить Анну вернуть опального графа фавориту не составит труда; уж кому, как ни ему ведомы все пути к её доброму сердцу.

квартира М. К. Линара в доходном доме

Мориц Карл Линар в конце января получил письмо, в котором курфюрст, в ответ на его вопрос, разъяснял, что вниманием, оказываемым ему племянницей русской императрицы, ни в коем случае не стоит пренебрегать!

«Учитывая, как стал популярен фаворитизм в России последние годы, место фаворита царской особы – это самое влиятельное место, на какое только может рассчитывать дворянин. А, если вспомнить, что девочка Анна Леопольдовна в будущем станет матерью наследника престола, и, возможно, регентшей при малолетнем императоре, то за право стать её фаворитом будут соперничать многие особы. Поэтому очень хорошо, если бы Вы, Линар, в данном вопросе обошли соперников ещё до того, как они у Вас появятся», – писал Август.

Иными словами, курфюрст ясно давал понять посланнику, что упустить такую возможность он не должен ни при каких обстоятельствах! И отныне угождать принцессе Анне – его первая обязанность пребывания при русском императорском дворе.

Линар, чьё дипломатическое поприще, не было особенно блестящим, усмотрел в этом задании возможность отличиться. К тому же личные обстоятельства его не стесняли (его супруга четыре года назад скончалась от чахотки), и беспокоиться о собственной репутации ему не приходилось. Поэтому он с рвением взялся за выполнение ответственного задания!

На следующий же день в послеобеденное время Мориц Линар явился прогуляться в Летний сад. Но, к своему разочарованию, принцессы там не встретил. Он не огорчился и пришёл на завтра снова. Но ни на другой, ни на третий день свидания не состоялись.

Линар решил, что девочка могла приболеть, и не отчаялся, рассчитывая, что непременно увидит её на ближайшем балу.

императорский дворец

На масленицу на берегу Невы было весёлое гуляние. А вечером императрица давала бал во дворце.

– Я два месяца его не видела! Как думаешь, он придёт?! – переживала Аня, пристально глядя в прибывающих гостей.

– Конечно, придёт, – спокойно ответила Юлия и добавила в сторону, – Попробовал бы он не прийти!! Для иностранных дипломатов императорские балы – это главные события в службе!

Аня увидела Линара ещё издалека; его кафтан из белого шёлка с золотой вышивкой, светлые кюлоты и туфли из белой кожи с золочёными пряжками. Весь в белоснежных одеждах и кружевах, он был похож на воздушный зефир. Встретившись взглядом с принцессой, Мориц просиял приветливой улыбкой, чем буквально пролил живительный бальзам на сердце девушки.

Анна, дабы соблюсти приличия, безропотно позволила дважды пригласить себя на танец Антону-Ульриху. И даже приветливо поболтала с ним о каких-то пустяках. Затем потанцевала с австрийским посланником Антонио Ботта. И, возвратившись, замерла в нетерпении, ожидая приглашения Морица.

Тот не заставил себя ждать, и, едва зазвучали первые ноты следующего танца, направился через зал к царевне.

– Ах, Юлия! Он идёт!! – дрожа от счастья, прошептала она, хватая подругу за рукав.

– Держи себя в руках! – напутствовала её та.

– Это будет не просто! – выдохнула Аня.

– Я рад видеть Вас, Ваше высочество. Позвольте спросить, благополучны ли Вы? – осведомился Линар, когда они оказались среди танцующих пар.

– Да, вполне, – кивнула она.

– После нашей приятной прогулки я несколько раз наведывался в Летний сад в надежде увидеть Вас снова, но мои попытки не увенчались успехом. Признаться, я был обеспокоен.

Она опустила голову, чтоб скрыть радость.

– В какой-то момент я подумал, может, Вам нездоровится, – продолжал он, – Но нанести визит без позволения Вашего высочества не осмелился, опасаясь, что Вы сочтёте это за дерзость.

Аня с трудом подавляла приступы счастья, которые охватывали её от того, что он говорит, как он на неё смотрит, и оттого, что руки её, при переходе от одной танцевальной фигуры к другой, то и дело оказывались в его горячих ладонях.

– В зимнее время днём клонит в сон, – проговорила она за ранее придуманную отговорку, – Поэтому мы решили перенести прогулки на более позднее время.

– Ах, вот как! Я не знал.

– Но сейчас, с наступлением весны, полагаю, мы возобновим привычку гулять после обеда. Так что не исключено, что мы вновь сможем как-нибудь встретиться.

– Я буду с нетерпением ждать этой возможности! – сообщил Линар и, подумав, добавил, – Если Ваше высочество позволит, то я мог бы прислать Вам цветы, если наша встреча в очередной раз не состоится. Как Вы к этому отнесётесь?

Она улыбнулась:

– Это будет очень мило.

Мориц, соблюдая фигуры танца, отпустил руку принцессы. Проследил взглядом как Анна, прошла к другому партнёру, покружилась и вернулась обратно. Он подхватил её под локоть и пылко прошептал:

– Простите, Ваше высочество. Я забыл сказать главное!

– Что?

– То, как Вы прекрасны сегодня!! Свежий цвет лица, блеск глаз... Я был глупцом, спрашивая Вас о здоровье!

Анна почувствовала, как начинают пылать щёки:

– Вы смущаете меня, – робко пресекла она его поток комплиментов.

– Простите, – спешно ретировался он, – Я лишь сказал то, что вижу. И ничуть не приукрасил.

Она, потупив взгляд, подарила ему благосклонную улыбку.

По окончании танца, вернувшись к своему месту, Анна шепнула Юлии:

– Выйди со мной ненадолго! – и устремила к двери в соседнюю комнату.

Фрейлина послушно последовала за ней. Прикрыв плотно двери, и, убедившись, что их никто не подслушивает, Аня оглушительно взвизгнула, подпрыгнула и, схватив за руки подругу, закружилась в стремительном вихре.

– Юля-а-а!! Я ему нравлюсь!!!

– Он тебе сказал?! – удивилась она.

– Напрямую – нет! Но это бесспорно!! – она обняла фрейлину и расцеловала её в обе щёки, – Юленька! Ты – умница! Ты всё правильно рассчитала! Вообрази, он всё это время приходил в сад и искал встречи со мной!! .... Мой бедный Мориц! Он так огорчился всякий раз, когда не находил меня среди гуляющих. Он решил, что я заболела. И даже хотел навестить меня, представляешь?! Но не знал, как я расценю его поступок и не решился прийти без моего высочайшего позволения!

Аня рассмеялась и захлопала в ладоши.

– А ещё он сказал, что непременно будет приходить в Летний сад и впредь в надежде, что мы увидимся! Да! И, всякий раз, когда его попытка окажется тщетной, он будет присылать мне цветы!!

Юлия равнодушно пожала плечами:

– Что ж, так и быть, дадим ему эту возможность.

– Ах, до чего ты жестокая, Юлия! – принцесса легонько хлестнула её веером, – Если б ты только знала, чего мне стоило делать холодный вид во время танца!! В то время, как хотелось его просто обнять!!!

– Анна...

Она умоляющим жестом сложила ладони перед грудью:

– Но он так прекрасен! И так незащищен в образе несчастного кавалера!!

– Отчего же несчастного? – всплеснула руками Юлия.

– Ну как же!! Я так и вижу, как он бродит унылый по пустым дорожкам сада, ищет меня и страдает... Юленька! Мне так его жаль!!

Но Юлия в ответ лишь осудительно покачала головой:

– Я бы не стала безоговорочно верить всему, что говорит мужчина.

– Ты несносна!! – обиделась Анна, – Почему я не должна ему верить?! Знаешь, сколько комплиментов он мне наговорил!! И про лицо, и про глаза... Я даже высказала ему порицание, что он переступает дозволенную грань.

– Вот тут ты – молодец! – похвалила её подруга.

Аня без сил опустилась на гобеленовую кушетку:

– Всё это ужасно.

– Что?

– Притворство! Этикет и прочая чепуха! Зачем всё это?!

Юлия присела рядом и нежно обняла принцессу обеими руками:

– Напротив! Это прекрасно! Когда между вами ещё столько несказанного – лишь намёки и взгляды. Лишь смутные догадки и терзания! То разочарование, то надежда, – она вздохнула и посмотрела вдаль.

В глазах её вдруг блеснула грустинка. Анна отстранилась и с удивлением посмотрела на фрейлину. А та продолжала вдохновенно:

– Пока вы ещё сходите с ума от вынужденной разлуки. И счастливы одним прикосновением руки во время короткого танца! Поверь мне, когда всё будет позади, ты станешь вспоминать об этом времени, как о самых счастливых днях в своей жизни!!

– Юлия! Как это понимать? – Аня пребывала в потрясении от услышанного, – У тебя это всё уже было?!

Та в ответ потупила взор.

– Почему ты молчишь? Кто он?! – настойчиво потребовала Анна.

Юлия вздохнула и подняла на принцессу грустный взгляд:

– Его звали Христиан.

– Да? И кто он такой?

– Он был молодым офицером из полка, что квартировался в деревне позапрошлым летом недалеко от нашего поместья в Лифляндии.

– Расскажи мне. Пожалуйста!

– Я сразу его заприметила. Он был самым красивым из всех: золотистые кудри, синие глаза..., – стала смущённо рассказывать Юлия, – Первые две недели мы лишь украдкой поглядывали друг на друга и не решались даже заговорить. Потом на одном из ужинов, что устраивали местные помещики, приглашая туда военных, он пригласил меня на танец. Мы познакомились и разговорились.

– Та-ак...

– Он стал присылать мне записки. Назначал встречи. Я сбегала из дома, тайком от родителей, чтоб встретиться с ним и погулять у озера.

Аня лукаво прищурилась:

– Сдаётся мне, это были не просто прогулки? – и наклонилась ближе, – Скажи, он признавался тебе в любви?

Юлия, не хотя, кивнула. Принцесса разволновалась:

– И вы целовались?

– О, да.

– Господи!! Как романтично! И что было потом?

– Потом... Младший брат проболтался отцу, что я бегаю на свидания с офицером. Отец очень рассердился и запер меня в комнате. Строго-настрога запретил выходить из дома одной.

– А ты?

– Я плакала, пыталась бежать. Меня ловили и снова запирали.

– Бедняжка! А что было потом?

Юлия помрачнела:

– Мне не хочется дальше рассказывать...

– Ну, пожалуйста! Пожалуйста!! – взмолилась Анна.

– Хорошо, – покорилась она, – А потом мы как-то всей семьёй пришли на ужин к соседу, и я увидела, что Христиан танцует с их дочерью – белобрысой Мартой.

– Да что ты?!

– Да. Он был так весел, будто ничего и не случилось. А, увидев меня, лишь кивнул изда-лека, как старой знакомой. И даже не подошёл.

– Не может быть!! – поразилась Аня, взволнованная рассказом подруги, – И что сделала ты?!

– Что я могла сделать? Убежала домой и проревела всю ночь.

– Как это грустно... А дальше?

– Мой старший брат Карл, поступив на службу при дворе Анны Иоанновны, узнал, что та набирает штат фрейлин для племянницы и порекомендовал ей меня. Императрица согласи-лась. И родители спешно отправили меня в Петербург, в надежде, что здесь я скорей позабуду о своих сердечных несчастьях. Вот так я и оказалась здесь.

Принцесса смотрела на неё огромными глазами:

– Значит, ты с тех пор его не видела?

– Нет.

– Бедная моя Юлия! – расчувствовалась она, – Бедная, бедная..., – и крепко обняла подругу.

– Знаешь, я уже стала его забывать.

– Правда?

– А этот кадет Голицын...

– Та-а-ак....

Юлия тихо улыбнулась:

– Он очень-очень похож на него.

– Да ладно?

– Да. Как увидела его – чуть сердце не остановилось. Так же невероятно красив! Волосы...

Глаза... Я просто пропала!

Она закрыла ладонями лицо. Аня ласково погладила её по волосам:

– Хочешь, я познакомлю вас поближе?

– Нет! – отрицательно замотала головой Юлия, – Он же такой красавчик! Должно быть, девицы стаями выются вокруг него! Нет-нет! Я не хочу повторять прошлых ошибок.

– Ты уверена?

Она кивнула:

– Да.

– Ну, как хочешь.

– Анна, извини, если я последнее время ворчу на тебя и поучаю, – покаялась вдруг Юлия, – Поверь, я просто не хочу, чтоб ты оказалась в такой же ситуации, как я! Не хочу, чтоб ты страдала!!

– Я не сержусь, – заверила её принцесса, – Это так хорошо, что ты у меня есть. Ты – самая лучшая подруга! Не оставляй меня никогда, пожалуйста!!

Польша

В первых числах марта Миних приехал под Данциг с канцелярией, небольшой свитой и тринадцатью тысячами червонцев. Тут же созвал войсковой совет, где объявил повеление императрицы немедленно начать боевые действия против Данцига. Быстро изучил карты, осмотрелся на местности и предложил овладеть господствующими высотами. Некоторые генералы были против начала атакующих действий, и считали, что надо ждать подхода осадной артиллерии.

Но Миних не мог сидеть без дела! Он приказал строить траншеи и редут на самой высокой точке – горной возвышенности Циганкенберг. Отсюда лучше всего просматривалась вся западная стена города.

– Если для осады нам нужны пушки, то мы добудем их в бою!! – заявил Миних.

И отдал приказ – атаковать укрепление Ора, располагавшееся у южных стен Данцига, в котором находилось четыреста человек гарнизона. Атака прошла успешно, и после двухчасового сопротивления укрепление сдалось. В распоряжение осадной армии поступило двенадцать пушек и две мортиры.

Из них и начали обстреливать город.

Узнав, что неподалёку в небольших городах Эльбинг и Мариенбург располагаются полки конфедератов, Миних направил туда отряды драгун и пехотинцев. Оба города сдались без сопротивления, а найденные там орудия и припасы также были переправлены в лагерь.

К началу апреля из Саксонии через недружественную Пруссию удалось провести в Данциг четыре мортиры. При этом мортиры везли отдельно со станками, спрятав под всяким барахлом на больших телегах, выдавая их за багаж герцога Вейсенфельского.

Из этих добытых с горем пополам орудий Миних ежедневно обстреливал город, призывая коменданта Данцига сдаться и выдать им Станислава Лещинского. Иначе грозился никого не пощадить.

Впрочем, его угрозы, как и выстрелы, были не страшней комариных укусов. Данциг был надёжно укреплён, обеспечен припасами и орудиями. И из-за высокой стены летели ядра и бомбы, нанося урон осаждающей армии куда больший, нежели та могла причинить городу.

Армии Миниха не хватало не только пушек, но и боеприпасов. Русскими солдатами было замечено, что некоторые ядра или мортирные бомбы, которыми стреляют поляки, имеют особенность не разрываться. Солдаты подбирали их и извлекали из них порох, который вполне годился для употребления.

Миних за каждое такое ядро (или бомбу) велел выдавать солдатам по три копейки. Желющие поживиться бросались к падающим снарядам так стремительно, что некоторые погибали от бомб, разорвавшихся прямо у них в руках.

Микуров с Лопухиным, радуясь, что оказались в гуще настоящих военных действий, сновали между солдат и тоже подбирали неразорвавшиеся ядра. За что и были в первый же день строго наказаны фельдмаршалом.

Миних приволок обоих кадетов за воротники с линии огня в штабную палатку и отругал последними словами, пригрозившись отправить обоих в Петербург.

– Для чего, по-вашему, родители определили вас в Рыцарскую Академию?! Для чего я создал в ней программу четырёхклассного обучения?! Чтоб выпускать из стен Академии пушечное мясо?! – негодовал Миних, сотрясая воздух кулаками, – Страна нуждается в хорошо обученных офицерах! В талантливых генералах! А вы что творите?!

– Простите, Ваше высок...

– Молча-а-ать!! Разве я взял вас с собой в Польшу для того, чтоб вы бомбы с поля подбирали?! – взревел Миних, стегнув обоих шарфом, – Остолопы! Ведёте себя, как рекруты, набранные из глухой деревни!!

Василий с Иваном стояли понурые и виноватые, боясь поднять головы.

– Ладно бы ещё Лопухин! Но от тебя, Микуров, я никак не ожидал!! А, ну, сядьте оба!!

Они покорно опустили на скамейку. Миних, наконец-то, выпустил пар и заговорил строго, но спокойно:

– Геройствовать на поле боя и без вас смельчаки найдутся! Отдать жизнь за Отечество – дело не хитрое! Тут голова не нужна. А вот как одержать победу над врагом в наикратчайшие сроки и с наименьшими потерями – это задача сложная для умных голов. Вот тут-то вы мне и нужны, голубчики!

– Так точно, Ваше высокоблагородие.

– А задача будет такая: необходимо пробраться в Данциг и произвести разведку. Узнать, сколько в нём орудий, сколько воинов, где располагаются военные склады, где находится Лещинский, и где самое слабое место обороны. Понятно?

– Понятно...

– Так что сидите и думайте! Завтра утром изложите свои соображения.

Они дружно кивнули и воспрянули духом. Задача показалась им интересной. И, оставшись в палатке одни, друзья наперебой стали делиться друг с другом идеями.

Нутро они рассказали фельдмаршалу о придуманных вариантах. Но ни один из них Миниху не пришёлся по душе. Прежде всего, он решительно возражал против того, чтоб оба приятеля проникали за стены Данцига:

– Нет. Нет! И нет!! Внедриться к осаждённому должен только один Микуров! – категорично заявил Миних.

– Но почему? – надулся Лопухин.

– Он знает языки. Он осторожен, наблюдателен. И, в отличие от тебя, Лопухин, всегда принимает взвешенные решения, а не действует наобум!

– А...

– Даже не пытайся мне возразить! – пресёк он намерение Ивана вставить слово в свою защиту.

Ванька погрузился и тихо засопел в знак протеста.

– Поэтому, – продолжал фельдмаршал, – Вы должны сосредоточиться на разработке плана проникновения в Данциг одного Василия! Кроме того, я предполагаю, что быстро выбраться назад ему вряд ли удастся. Поэтому внедрение в стан врага должно быть основательным, с хорошей легендой, позволяющее безопасно оставаться в городе продолжительное время.

– А мне что делать? – буркнул Иван.

– Василию будет нужна система передачи сведений. Вот тут и пригодишься ты, Лопухин! Твоя задача – быть на связи!

Тот встрепенулся:

– Ага!

– И при этом, Лопухин, не прозевать ни одного сообщения! – строго наставил на него палец фельдмаршал, – Не выдать разведчика! Не стать самому мишенью для неприятеля!! Тебе ясно?!

– Ясно, – вздохнул Ванька.

– Чтоб создать такой подробный план действий, требуется время. Я вас не тороплю. Обсудите всё хорошенько. Разрешаю пользоваться картами для детального изучения местности.

– Хорошо!

– Чтоб добыть недостающие сведения для разработки плана, позволяю Вам ходить в ближайшие деревни. В лес. К реке. Вступать в разговоры с местными жителями ближайших деревень.

Друзья радостно переглянулись.

– Но на линию огня не соваться! – тут же пресёк их задорный настрой фельдмаршал, – И перед неприятелем не мелькать! Враг не должен знать разведчика в лицо. Разведчик – это фигура инкогнито. Уяснили?!

– Так точно!

– Приступайте!

Пруссия

План Бюрена сработал! Ставка на Ягужинского оказалась точным попаданием в яблочко. Своё назначение посланником в Берлин Павел Иванович Ягужинский считал опалой, в которую его ввергли коварные козни завистника Остермана.

В нахождении при дворе короля Фридриха-Вильгельма Ягужинский не видел ни пользы, ни личного интереса. Его натура жаждала бурной деятельности, развития, продвижения проектов, общения с передовыми мыслителями и вдохновителями идей. А здесь в Берлине он был вынужден изнывать от скуки.

Кайзер прусский в глазах Ягужинского был чудаковатым монархом, который, из-за чрезмерной озабоченности внутреннего переустройства страны, целыми днями разъезжал по владениям, поучал крестьян, как им пасти скот или растить брюкву. Видимо, мнил себя в этих вопросах большим знатоком. Кроме того, был невероятный сквалыга и скопидом. Не терпел бездельничества и мог, завидев на своём пути праздно шатающегося горожанина, приказать поймать бездельника и отлупить. Поэтому, издали завидев короля, горожане разбегались от него в рассыпную и прятались по домам.

То же касалось и придворных особ, которые, по его мнению, должны постоянно быть при делах, а не слоняться по дворцовым залам. Отсюда легко догадаться, что придворная жизнь в Берлине кардинально отличалась от Петербургской, изобилующей ассамблеями, балами, маскарадами и прогулками.

В вопросах внешней политики Фридриха-Вильгельма интересовали лишь отношения с соседствующей Австрией, в правителе которой он видел своего ближайшего соратника и друга. Поэтому предложения, поступающие от посланников австрийского цесаря, рассматривались им в первую очередь и, чаще всего, имели положительную резолюцию.

Все же остальные проекты подвергались сомнениям и тщательной проработке в поисках подвоха! Король имел особенность подозревать, что все вокруг имеют намерение обмануть его. И когда его маниакальная подозрительность вдруг находила своё подтверждение, король впадал в огорчения, обижался, как ребёнок, и глубоко страдал, уходя в длительную депрессию, отменяя визиты и целые рауты.

Учитывая, что Фридрих-Вильгельм уже считал себя обиженным и обманутым русским двором, посеять в его уме сомнение в очередных обещаниях русской императрицы не состав-

ляло никакого труда. Король изначально был настроен недоверчиво ко всему, что станет излагать ему посланник Анны Иоанновны. К тому же импульсивность и упрямство, с которыми Левенвольд взялся за дело, ещё больше настроили Фридриха-Вильгельма на сопротивление.

И Ягужинскому достаточно было лишь не вмешиваться и не пытаться ни в чём разубедить короля, чтоб оправдать доверие Бюрена и полученную от него сумму денег.

Впрочем, деньги тут были ни причём. Главной мотивацией для Ягужинского послужило обещание фаворита походатайствовать об его возвращении к петербургскому двору! Павлу Ивановичу осточертела скука прусского дома, где он, страшно признаться, от отсутствия развлечений, стал уже находить удовольствие в семейном кругу, нянькая новорожденную дочь и слушая глупую болтовню супруги Анны Гавриловны.

Таким образом, Левенвольд-старший убрался восвояси ни с чем. Прусский король оставил за собой право хранить нейтралитет в отношении дележа полькой короны. Артиллерийские русские полки продолжали двигаться к Данцигу в обход прусских территорий. Миних оставался под стенами осадного города без достаточного количества людей и орудий.

Зато Бюрен вернул себе надежду, что к его скромному имени однажды добавится герцогский титул! А заодно вкусил удовольствие от того, что «надрал уши» Остерману.

А Ягужинский набрался терпения в ожидании обещанного приглашения в Петербург.

Польша

Миних, совместно с генералом Ласси, равномерно распределил имеющиеся полки по западному берегу Вислы от Данцига до Балтийского моря. Определил выгодные позиции для траншей и редутов. И в течение месяца осадная армия создала обширные военные укрепления около стен города.

Вот только жители Данцига до сих пор не видели в русских серьёзной угрозы. В городе располагался постоянный гарнизон численностью более двадцати четырёх тысяч солдат. И со смотровых башен города полякам было видно, что противник не превосходит их, ни числом воинов, ни количеством орудий. Да и съестных запасов на складах было более, чем достаточно.

К тому же, несмотря на осаду, у них сохранился выход к Балтийскому морю. С северной стороны Данциг сообщался по реке с крупным фортом Вайхзельмюнде. Оттуда по реке регулярно приходили мелкие суда, обеспечивая связь и доставляя припасы.

Русские, заняв высоты на левом берегу, старались расстреливать корабли, идущие в Данциг. Но, поскольку пушек у них было не много, полностью потопить корабль удавалось редко. Поэтому, хоть и с ущербом, но судна всё же прорывались сквозь линию обстрела и поставляли в осаждённый город порох, гранаты, муку и прочие необходимые предметы.

Наблюдая из укрытия, как солдаты обстреливают очередное судно, движущееся к городу, Микуров радостно хлопнул Ваньку по плечу:

– Лопух! Я знаю, как пробраться в Данциг!!!

Миних привёл друзей в штабную палатку:

– Ну? Рассказывайте, что надумали?

– План таков, – начал Микуров, – Необходимо сосредоточить все имеющиеся мортиры ближе к береговой линии в одном месте.

– Зачем?

– Для того, чтоб в следующий раз, когда разведка донесёт о том, что очередной корабль вышел из форта в направлении Данцига, атаковать его огнём и обязательно захватить вместе с командой!

– Так.

– Думаю, лучше всего, это сделать вот здесь, – и Василий указал место на карте как раз напротив острова Хольм.

Миних внимательно посмотрел на указанное место и, подумав, кивнул:

– Допустим. А дальше?

– В самый разгар боя, я в одежде польского крестьянина, незаметно зайду в реку, – продолжал Василий, – Проплыву под водой и вынырну возле борта корабля. Сделаю вид, что я – член корабельной команды и вплавь брошусь к польскому реду на остров Хольм. Уверен, польские солдаты должны будут подобрать «своего», видя, как тот чудом спасся при захвате корабля противником!

– Та-ак, – удовлетворённо потёр подбородок фельдмаршал.

– Ну, а спасшим меня солдатам скажу, что я – помощник мукомола с мельницы из деревни Лангфурт. Зовут меня Вацлав. И будто я приставлен хозяином в сопровождение груза из десяти мешков муки, что были на корабле. Уверен, мне поверят; никто не знает этих мальчишек, работающих на деревенских мельницах. На острове меня, конечно, не оставят и переправят в Данциг. И вот я – у цели!

– Неплохо придумано! – похвалил Миних, – Очень неплохо!!

– Только непременно нужно проследить, чтоб с атакуемого корабля никто не сбежал. Иначе моя легенда рассыплется в прах.

– Уж об этом я позабочусь! – пообещал фельдмаршал и обернулся к Лопухину, – Ну, а как быть со связью?

– Всё продумано, Христофор Антонович, – заверил его тот, – В ходе тщательных разведывательных маневров, выявлено, что наилучший способ для сообщения – восточная стена города.

– Это почему?

– Там меньше всего польских охранников. Это оттого, что там местность болотистая и непригодна к атакам противника и размещению орудий, – пояснил Иван.

– Молодцы, – подивился Миних, – Отличные наблюдения.

– Мы выяснили, что ночью вся охрана восточной стены располагается только в сторожевых башнях. И, зная тропинку на болоте, в одиночку можно пробраться к стене незамеченным! – и на вопросительный взгляд фельдмаршала Ванька добавил, – Для убедительности мы уже проделали это несколько раз.

– Каков план передачи сведений?

– По ночам я буду из укрытия в лесу следить за стеной, – продолжал Лопухин, – Перед тем, как сбросить послание, Микуров подаст мне сигнал светом зажженной свечи через отверстие смотровой щели. Именно к месту, откуда будет сигнал, я и стану прокладывать путь в поисках сброшенного сообщения.

– Во избежание опасности, послания будут зашифрованы, – пояснил Василий, – Шифр знаем только мы оба.

Миних задумчиво посмотрел на кадетов, постучал пальцами по крышке стола и, в качестве вердикта, произнёс одно-единственное слово:

– Хорошо!

О том, что из форта Вайхзельмюнде готовится к отплытию в город очередное судно с припасами, стало известно спустя неделю.

Миних объявил по лагерю всеобщую готовность к его захвату. Ночью, чтоб не заметили осаждённые, он отдал приказ: стянуть все имеющиеся мортиры ближе к берегу и расположить в одном месте напротив острова Хольм, маскируя их ветками и волокнами сухой травы.

И, когда рано утром, в предрассветном тумане тихо возник польский корабль, намереваясь бесшумно проскользнуть мимо острова в канал, сообщающийся с водяными воротами города, осадная армия внезапно обнаружила свои позиции и открыла огонь со всего побережья!

Наудачу одним из первых снарядов перебило мачту. А следующее ядро проделало изрядную пробоину в борту. Корабль накренился. Люди попрыгали с палубы в воду.

– В атаку!! – скомандовал Миних.

И с берега стремительно посыпались отряды для захвата в плен членов команды.

– Пора! – подтолкнул фельдмаршал Микурова.

Василий в создавшемся ажиотаже быстро сиганул в реку и проплыл с пару десятков саженей под водой, никем не замеченным. Вынырнул, отплёвываясь, огляделся. Кругом царил невероятный хаос. Трещали доски. С корабля летели в воду мешки, барахтались и кричали люди. Рядом визжали пули и падали бомбы. К тому же вода оказалась ледяная (всё же была лишь середина апреля) и безжалостно обжигала кожу и сводила судорогой пальцы.

Оценив положение, как критическое, от острова Хольм отчалил прам и двинулся на помощь утопающим. Василий оттолкнулся от борта и размашистыми гребками бросился к нему, голося о помощи по-польски, стараясь изо всех сил перекричать гром выстрелов:

– Помуж!! Помуж ми!

Ласси, заметив, что вражеский прам движется к кораблю, скомандовал переключить всю артиллерию на него. Миних, в ужасе сознавая, что снарядом могут неловко зацепить Микурова, прильнув к подозрительной трубе, напряжённо следил за плывущим мальчишкой, шепча про себя молитвы.

Василий, не на шутку перепуганный грохотом взрывающихся вблизи бомб, принялся так отчаянно работать руками и ногами, что, когда его подхватили польские солдаты и затащили волоком на прам, беднягу по-настоящему трясло от страха и холода, что он долго не мог и слова вымолвить.

Миних, увидев, что мальчишка достиг цели, оживился и со всей мочи заорал генералу Ласси:

– Все в воду!! Живо! Брать пленных!! Хоть одного упустите – лично пойдёте под суд!!!

Спустя полчаса всё было кончено. Корабль с пробоиной русские пришвартовали к берегу. Все живые и раненые члены команды выловлены и взяты в плен. Польский прам, ради устрашения, ещё какое-то время постоял на середине реки, совершая единичные выстрелы, и вернулся на остров.

– Повезло тебе. В рубашке родился! – сказал польский офицер, склоняясь над Василием.

Он в ответ лишь плотней закутался в парусину, что дали ему матросы, и продолжал молчать и стучать зубами от холода.

– Эко тебя, беднягу скрутило, – пожалел его рулевой матрос и протянул кружку с ромом, – На-ка, хлебни для согрева.

Микуров глотнул и выпучил глаза. Закашлялся до слёз. Офицеры засмеялись:

– Ничего, ничего! Сейчас твою лихорадку вмиг снимет!!

Причалили в городскую гавань. У пристани их встретил сам комендант Данцига генерал Фитингоф. Выслушав доклад старшего из офицеров о нападении на судно и понесённых потерях, строго взглянул на Микурова:

– Кто таков будешь?

– В-вацлав... сирота, – выдавил он, с трудом унимая дрожь.

– Что на судне делал?

– С хозяином муку в город везли.

– Откуда?

– С Ланкфурта.

– Пан генерал, мальчишка страху натерпелся, – вставил офицер слово в его защиту, – Виданное ли дело, в ледяной воде столько проплыть под пулями! Единственный из всех, кто уцелел. Герой! Под счастливой звездой родился!

– Едем со мной, – кивнул комендант, – Отведу тебя на кухню. Там обсохнешь и отогрешься. Герой!

в крепости Данциг

Кухарка забрала у Василия его промокшую одежду, а взамен дала длинную суконную рубаху и усадила на лавку ближе к печи.

Помощница повара, юная девица с тяжёлой русой косой, принесла ему глиняную миску горячей похлёбки. И уселась рядом, подперев ладошкой щёку, рассматривала Василия, пока тот работал ложкой.

– А ты, правда, прямо под пулями плыл с разбитого корабля? – спросила она, не сводя с него восхищённых глаз.

– Угу.

– Страшно было?

Он взглянул на неё и гордо расправил плечи:

– Не очень.

– Врёшь!!

– Я назад не оглядывался. Решил, бог даст, значит спасусь. Хотя, пару раз совсем рядом бомбы так шарахнули, что волной с головой накрыло!! – хвастливо заявил он.

– Ух, ты! – выдохнула девчонка, – Я бы со страху на дно пошла!

– А ты плавать-то умеешь? – поддел он её.

– Умею! Ты ещё хлеба хочешь?

– Ага.

Она радушно отрезала ему ломоть от круглого каравая.

– Спасибо.

– Янина! – это явился на кухню повар и строго окрикнул помощницу, – А за водой в котлах кто смотреть будет?! Кипит уже!!

– Иду! – откликнулась она и умчалась к печам.

Повар придирчиво оглядел Микурова:

– Пан Фитингоф сказал, ты сирота?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.